

Древнейшие образы и сюжеты эпоса «Манас»

А. А. Бакиров

Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина,
Кыргызская Республика, 720000, Бишкек, ул. Киевская, 44

Для цитирования: Бакиров А. А. Древнейшие образы и сюжеты эпоса «Манас» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2021. Т. 13. Вып. 4. С. 498–518. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2021.403>

Проблема возникновения и развития киргизского героического эпоса «Манас» привлекала внимание ученых с самого начала изучения этого уникального памятника. Уже первые исследователи XIX в., казахский ученый Ч. Ч. Валиханов и академик В. В. Радлов, указывали на древность киргизского эпоса и высказывали свои мысли о его сложении и бытовании. Вопрос о сложении и развитии эпоса «Манас» на основе исследования его сюжета, образов и идей решался и учеными XX в. — В. М. Жирмунским, П. Н. Берковым, С. М. Абрамзоном, Р. З. Кыдырбаевой и др. Однако актуальной проблема остается и в наши дни. До сих пор среди ученых нет единого мнения по вопросу о времени возникновения эпоса и основных этапах его развития. Автор ставит своей целью продолжить исследование генезиса эпоса «Манас» и предпринимает попытку установления исторических условий, вызвавших к жизни героический эпос как новый вид художественного творчества и определивших его дальнейшее развитие. Рассматриваются и анализируются древнейшие сюжеты и образы эпоса «Манас», становление и развитие которых во многом предопределило характер эпического творчества последующих эпох. Предметом анализа являются преимущественно образ главного героя и важнейшие темы архаического эпоса: борьба героя с чудовищами, героическое сватовство, борьба с набегами. Материал рассматривается в сравнительно-историческом плане в сопоставлении с эпическим творчеством тюркских народов Южной Сибири и Центральной Азии.

Ключевые слова: номадизм, архаический эпос, эпический герой, образ чудовища, родовой строй.

Исторические предпосылки возникновения героического эпоса «Манас»

Возникновение номадизма на обширных просторах евразийских степей в начале I тыс. до н. э. стало переломным моментом в жизни древних предков киргизов. Коренные изменения произошли в способе ведения хозяйства: от сезонных пастушеско-земледельческих форм хозяйства номады перешли к круглогодичному кочеванию с содержанием скота на подножном корму. Горностепные пространства Евразии изобиловали территориями с богатыми круглогодичными пастбищами и обилием естественных водоемов, например горные пастбища Тянь-Шаня, где во все времена года находили себе корм тучные стада овец, коз, яков и лошадей. Пре-

красными пастбищами издавна славились и степи Казахстана, Южной Сибири, Алтая и Монголии.

Исключительно важную роль в становлении кочевого образа жизни сыграл конь. Быстро перемещать крупные стада с одних пастбищ на другие можно было только верхом на коне, пеший пастух с этим бы не справился. Конный табунщик-пастух мог делать это легко. Конь, таким образом, сыграл главную роль в процессе перехода степных пастушеских племен к высшей для своего времени форме пастушеского хозяйства — кочевому скотоводству экстенсивного типа. При таком способе ведения хозяйства скот круглый год содержался на подножном корму и, в зависимости от сезона, перемещался с одних пастбищ на другие.

Полностью укротить дикую лошадь и освоить ее под верховую езду на дальние расстояния удалось при помощи уздечки и металлических удил. По данным академика С. В. Киселёва, это свершилось в степях Евразии «в VIII–VII вв. до н. э. и обеспечило быстрый и постоянный обмен продуктами мастерства и достижениями техники и искусства отдаленных областей» [1, с. 26].

Использование коня под верховую езду совершило переворот в военном деле степных племен и обусловило появление на исторической арене нового типа воина — воина-всадника, что, в свою очередь, привело к возникновению нового рода войск — коннице, ставшей решающей силой на полях сражений древности и Средневековья. Конь был известен человеку и до этого времени, и его использовали в военном деле многие народы. Так, древние арийцы и семиты, египтяне и ассирийцы, греки и римляне, персы и китайцы запрягали лошадей в боевые колесницы и таким образом использовали коня в качестве упряжного животного, а не верхового. Ездить на коне верхом на дальние расстояния научились только в начале I тыс. до н. э. с изобретением уздечки и металлических удил.

Кочевые племена евразийских степей с самого начала стали использовать коня под верх, с целью перестройки своей экономики на базе кочевого скотоводства. С детства овладевая навыками верховой езды, кочевники со временем становились лихими наездниками и грозной силой — при наличии опытных предводителей, способных организовать из воинов-всадников конное войско и обучить его. Хорошим способом обучения военному делу были и массовые мероприятия, ежегодно устраиваемые племенным коллективом: облавные охоты на зверя, проведение конных воинских игр и состязаний.

Круглогодичное разведение стад на пастбищах позволило очень быстро увеличить поголовье скота до небывалых размеров. Изначально находившийся в собственности всей общины, скот постепенно стал переходить в частное владение отдельных патриархальных семей. Новый уклад жизни давал возможность патриархальной семье успешно вести хозяйство, не привлекая силы всей общины, что позволило ей в дальнейшем выделиться в самостоятельную экономическую единицу и стать самой мелкой социальной ячейкой родового общества. Коренные изменения в хозяйственной и общественной жизни степного населения в конечном счете привели к процессу разложения родового строя и развитию периода военной демократии.

Бесконечные военные столкновения кочевых племен друг с другом из-за пастбищ и охотничьих угодий, делали необходимым военную организацию кочевников. М. П. Грязнов о произошедших изменениях в общественной жизни степных

племен писал: «Все должно было быть приспособлено к условиям постоянных переездов и лагерной жизни. Стада скота, перешедшие в частную собственность патриархальных семей, неравномерно обогащали их и были заманчивой добычей при грабительских набегах. Война стала постоянным промыслом. Возросла общественная роль военных предводителей всех степеней, обогащавшихся за счет военной добычи. Потребовалась новая, более стройная организация на военный лад всей общественной жизни. Род и племя стали управляться на началах военно-демократического строя» [2, с. 4–5].

В эпоху, когда война стала постоянным общественным явлением, заметно возросла роль отдельной личности. Такое выделение личности на общеродовом и племенном фоне сыграло в дальнейшем большую роль в формировании героического эпоса кочевых народов. Сильный и храбрый воин, бесстрашно встающий на защиту своего рода и племени от врага, становился идеалом. Так, очевидно, зарождался культ воина. Идеализация физической силы и воинской доблести отдельного индивида способствовала развитию воинской героики и возникновению эстетики богатырства в героическом эпосе. «Рано начавшееся и надолго затянувшееся разложение родового строя у предков нынешних тюрко-монгольских народов и осознание роли личной инициативы, смелости, силы и ловкости в обстановке непрерывных военных столкновений, набегов, завоеваний, организации военно-племенных союзов и т. п., понимание известной независимости человеческой самодеятельности (особенно в боевой сфере) от религиозно-магических моментов — все это было необходимой почвой для появления эстетики богатырства в эпосе этих народов» [3, с. 340].

Таким образом, возрастание роли отдельной личности в племенном коллективе, особенно в боевой сфере, в условиях начавшегося процесса разложения родового строя вызвало к жизни эстетику богатырства в героическом эпосе тюрко-монгольских народов.

Центральная фигура эпоса — конный воин-богатырь

Главным героем эпоса кочевых народов становится конный воин-богатырь, совершающий подвиги во имя своего рода и племени. Согласно верному наблюдению С. С. Суразакова, конь являлся главным атрибутом воина-богатыря. «Богатырь без коня — не богатырь, им становится только тот, кто садится на коня» [4, с. 26]. Важная роль коня в жизни кочевников, особенно в военном деле, предопределила центральное место, которое занял образ коня в героическом эпосе. Конь становится неизменным спутником, мудрым советчиком и верным помощником героя. Образы воина-богатыря и его коня в героическом эпосе тюрко-монгольских народов неразделимы и дополняют друг друга.

На ранних стадиях развития эпоса конь иногда наделялся даром речи и мог беседовать со своим хозяином. Например, в тувинском эпосе конь учит богатыря, как тот должен на него садиться, как нужно правильно седлать, какие подпруги стягивать, а какие ослаблять и т. п. Чудесная способность коня вести беседу со своим хозяином, несомненно, восходит к наиболее древним формам поэтической характеристики образа коня. Очень часто в героическом эпосе кони умеют не только говорить, но и летать. Архаические рудименты в изображении коня, такие как на-

деление коня крыльями и человеческой речью, довольно ярко сохранились и в эпосе «Манас».

Возьмем, к примеру, образ коня Чабдара, принадлежащего богатырю Незкаре, противнику Манаса. Чабдар обладает даром человеческой речи. Он советует своему хозяину, великану Незкаре, отправиться на Алтай и схватить юного Манаса, пока тот еще не возмужал и не набрался богатырских сил, иначе, если Манас повзрослеет, он за все ему отомстит. Прислушавшись к словам коня, богатырь Незкара отправляется на Алтай в поисках Манаса и находит его. Между ними происходит поединок, в котором богатырь Незкара терпит поражение. Спасти от Манаса ему удастся только благодаря коню Чабдару. Не вошедший еще в полную силу конь богатыря Манаса, Аккула, при подъеме отстал, а конь богатыря Незкары, Чабдар, взмыл в небеса, унося своего хозяина.

«Отменный скакун — конь Чабдар
Ниже неба заоблачного,
Выше коленчатых трав
Стремительно летит» [5, с. 368].

На последующих этапах развития эпоса сказочная фантастика при характеристике образа коня идет на убыль, и все чаще конь ценится не за какие-то сверхъестественные способности, а за свои природные качества: силу, выносливость, красоту. Вот как, например, изображается в эпосе «Манас» конь богатыря Аджыбая, Карткюрёнг: «На самых крутых подъемах он не сбрасывает седока на круп, на самых крутых спусках он не сбрасывает седока на шею. Он может без воды выдерживать рокаднейный бой».

Гиперболизация образа коня сохраняется, но воспринимается уже не в сказочном плане, а служит целям идеализации именно боевого, кавалерийского коня.

Подробная характеристика образа главного героя начинается с описания его внешнего облика. На ранних стадиях развития эпоса герой наделялся сказочно-гиперболическими чертами, восходящими скорее к описаниям мифических великанов, противников героя, чем для обрисовки самого героя. Одними из наиболее часто встречающихся в киргизском эпосе поэтических приемов являются сравнение и гипербола. Отдельные части тела богатыря нередко сравниваются с холмом, горным хребтом и т. п. Например, при характеристике богатыря Манаса: «...нос его подобен целому холму, а переносица — горному хребту» [6, с. 54]. Однотипными средствами гиперболизируется и герой алтайского эпоса: «... между лопаток его табуны коней могут пастись», «глаза его — словно озера», «нос его — словно грива горы» [4, с. 32]. Аналогичный прием сравнения частей тела героя с горой, ледниками, горными хребтами встречается и в тувинском эпосе.

«Бедра его подобны
Огромной белоснежной горе,
Шея его подобна
Круглой белоснежной горе,
Лоб его —
Словно крутой белый ледник,
Спина его —
Словно два желтых хребта» [7, с. 34].

Традиционные изобразительные средства, с помощью которых создается портретная характеристика главного героя, схожи в киргизском, алтайском и тувинском эпосе, что говорит о том, что формирование их происходило, очевидно, в сходных исторических условиях и, возможно, в одной родственной эпической традиции.

Большое сходство в создании образов наблюдается в киргизском и якутском эпосе. Особенно это проявляется при описании сцен гнева и необузданной ярости богатыря. В обоих эпосах в моменты гнева лица богатырей темнеют, из глаз вырывается огонь, а волосы на теле взъерошиваются. Вот как описывается богатырь Нюргун в минуты гнева.

«Был он белый человек
стал вдруг черным, как земля;
с лица его вспыхнуло пламя,
как огонь серы,
из глаз посыпались искры
словно от огнива.
Кудрявые волосы на его голове,
ниспадавшие до лопаток на спине,
вверх ощетинились
наподобие сердцевины вирши» [8, с. 131].

Аналогичным образом изображается и богатырь Манас.

«В гневе он — словно темная ночь,
Злоба вздыбила на его лице [столько щетины],
Сколько шерсти [идет] на пять пар чулок» [9, с. 406].

Сохранился в киргизском эпосе и мотив излучения огня разгневанным героем.

«Тут у юноши Манаса
Из правого глаза вырвалось пламя,
Из левого глаза вылетели искры» [10, с. 368].

В обоих эпосах отпечаток картины гнева богатыря создается однотипными средствами. Весьма архаичной является, очевидно, портретная характеристика богатыря Манаса, созданная на основе сравнения героя с сильными, хищными животными.

«Походит он на слона.
Шея тигриная, сильная рука,
Спина мощная, сердце — кремень,
Веки гладкие, звезды — глаза,
Уши волчьи, тигриная грудь —
Необычный облик у него» [5, с. 260–261].

Приведенные выше портретные характеристики богатыря Манаса относятся, очевидно, к числу наиболее архаичных, когда главной миссией героя было уничтожение темных сил природы, которые в эпосе олицетворялись в образах мифологических чудовищ. С. С. Суразаков о природе образов чудовищ героического эпоса писал:

Мифологические образы сначала олицетворяли силы тьмы и мрака, зимы и холода, болезни и смерти. Страшные явления природы и стихий в эпосе, как и в мифах, понимались как действие неведомых сил, которые получили облик зооморфных и антропоморфных чудовищ [4, с. 34].

На ранних этапах развития эпоса деятельность героя носила еще «культурно-героический» характер. Основными противниками героя выступали главным образом мифологические чудовища, в которых воплощались стихийные силы природы, источники болезней и другие силы «тьмы и мрака», которые наносили вред человеку.

Тема борьбы героя с чудовищами

В «Манасе» встречается зооморфное чудовище, от одного крика которого замертво пало 714 горных баранов. Манас убивает чудовище выстрелом из ружья Аккельте, а затем разрубает его пополам мечом Ачалбарс. Чудовище наделено страшным оружием — криком, от которого может пасть большое количество промысловых животных. Мотив крика как проявления силы и мощи эпического существа, вероятно, относится к числу наиболее архаичных. Он встречается уже в «Илиаде». Один из самых юных героев греческого эпоса — Диомед, в пылу сражения дерзает преследовать Афродиту, Аполлона и самого Ареса и схватиться с ними. Он наносит удар мечом Аресу, и «бог войны испускает гневный рев, равный воплю десяти тысяч воинов» [11, с. 55].

В ужас приводит троянцев одним своим криком Ахиллес.

«Так от главы Ахиллесовой блеск подымался до неба.
Вышел за стену, он стал надо рвом.
Там он крикнул с раската,
И троян обуял неописанный ужас» [11, с. 63].

Герой тувинского сказания Бора-Шээлей вступает в сражение и побеждает чудовищного зверя, который «не знал поражения в споре с имеющими челюсти; когда он тихо кричал — падали маленькие деревья, раскалывались маленькие камни; когда он громко кричал — ломались большие деревья, дробились большие камни» [7, с. 29].

Отличается от других своим криком и богатырь Манас. Так, от его крика просыпается богатырь Кошой, который едва не заснул во время поединка в пешей борьбе с великаном Джолоем. На третий день борьбы с великаном Джолоем 85-летний богатырь Кошой стал засыпать, чем готов был уже воспользоваться его противник. Но богатырь Манас издал такой силы крик, от которого богатырь Кошой проснулся и сумел одолеть великана Джолоя. О силе крика Манаса говорит здесь то, что в фольклорном произведении практически невозможно разбудить уснувшего богатыря. Мотив магического сна, в который впадают богатыри, широко распространен в эпическом творчестве многих народов. В киргизском эпосе тот же великан Джолой может быть побежден лишь во время сна. Академик В. В. Радлов дает следующую характеристику богатырю Джолою: «Его (Манаса. — А. Б.) достойным противником является один только Йолой, повелитель язычников, могучий об-

жора, который благодаря исполинскому своему телосложению и сверхъестественной силе может быть побежден только тогда, когда он впадает после истребления неимоверного количества пищи и напитков в свойственный ему одному смертоподобный сон» [12, с. 31].

Очевидно, уже в раннюю пору номадизма, в эпоху бесконечных военных столкновений кочевых племен друг с другом, наиболее архаические черты в облике эпического героя, характеризующие его как сказочного исполина, стали вытесняться чертами богатыря-воина. Образ главного героя приобретает все более реалистические черты.

«У прославленного Манаса
Борода — будто колчан,
Усы — будто бухарские кинжалы,
Если гневно глянет он —
Ярость в его глазах,
Будто пламя раздуваемого мехом огня...» [10, с. 468]

Гипербола как излюбленный поэтический прием для характеристики эпических образов сохраняется, но основывается она уже не на древних мифологических представлениях, а на атрибутах воинского быта. Здесь уже портретная характеристика Манаса полностью выдержана в духе богатырской эстетики.

В эпосе гиперболизируются не только богатыри, но и оружие, которым они владеют. Оружие в эпосе поэтизируется и занимает важное место в образной системе. Вот как изображается меч Манаса:

«Если выхватишь его из ножен ночью,
То клинок сверкает, как раскаленный уголь...
Если стукнешь о гору клинком — расщелется камень,
Если замахнешься на врага — слетит голова его,
Если положишь его на траву — вспыхнет пожар» [13, с. 186].

Гиперболизируется в эпосе и процесс изготовления оружия.

«Только для мехов горна при обработке меча
Были заколоты целые стада быков.
Кузнец Каратаз
Положил на него всю силу своих могучих рук.
Когда клинок в первый раз погрузили в воду для закалки,
Высохли воды студеного источника» [13, с. 186].

Как верно заметила исследователь тюрко-монгольского эпоса Р. С. Липец, оружие в героическом эпосе описано как бы в действии. Оно всегда звучит, звенит, сверкает [14]. Приведем описание богатыря Манаса, выезжающего на битву.

«[Манас] сидит громадой на Аккуле,
Ловко держит в руке копьё,
Красуется в сапогах-накери,

Меч на поясе звенит,
Секира на поясе бренчит,
За спиной поблескивает Аккельте,
Белый флаг, серый флажок
Трепещут на его копье,
Как птица белый кречет, с криком
Выехал богатырь на майдан» [10, с. 434].

В эпосе дается яркая звуковая и зрительная картина батальных сцен: лязг оружия, искры от клинков, блеск пик и т. п.

При создании образов врагов героя широко используется гротескная гиперболизация. Иногда враги изображаются внешне грубыми и безобразными, но всегда наделяются непомерной силой и могуществом. К числу мифических противников киргизских богатырей можно отнести образ великана Макеля. Приведем его описание. В подзорную трубу богатырь Алмамбет хорошо его разглядел.

«Когда всмотрелся он: по виду [Макель]
Напоминает налетевший от иноверцев снег,
Словно это с выстриженным загривком нар,
Рот его на вырытую могилу похож,
Поблескивает единственный глаз,
Похожий на большой пруд.
Морщины на его лбу
Будто рытвины на высокогорном пастбище.
Злобного [врага] он не пощадит,
Походит он на властного храбреца.
Посмотрел на его лицо [Алма] —
Будто опаленная земля оно,
Взглянешь на его клыки —
Как у хваткого тигра они,
Взглянешь на брови и ресницы его —
Будто дремучий темный лес они» [9, с. 602].

У Макеля изо рта вырывается огонь, пламя полыхает в глазах. Верховым животным великана Макеля является огромный синий бык, восседая на котором Макель все сметает на своем пути. Интересно отметить, что один из самых известных персонажей алтайского эпоса — семиглавый Дельбеген, как и великан Макель обладающий невероятной силой, также выезжает на поле брани, на огромном синем быке.

Великан Макель стоит во главе мифического народа *сазанианг*, который изображается в гротескно-карикатурном виде.

«Войско его в несколько сот тысяч [человек],
С почтением относится к нему,
Многие раздетыми пришли,
Все с непокрытой головой,
При ходьбе землю метут

Волосами, что отросли на голове,
Вместо одежды волосы [у них],
Не поймешь, кто молод, а кто стар,
Даже у самых маленьких
Голова с огромный котел» [9, с. 588].

Сазаншанги весьма прожорливы:

«Увидев змею, разорвут и съедят.
Если встретятся муравьи,
Всех до единого, не поленившись, съедят,
Если увидят сурка, вытащив [из норы], съедят,
Пернатых, что в небесах,
Не упустят, собьют и съедят,
Если один из них умрет, его съедят.
Со всеми потрохами [съедят]
Лягушек, змей и жуков,
Барсуков, волков и кабанов
[И даже] трубку вместе с дымящимся [табаком] съедят» [9, с. 588].

Мифические противники в эпосе представляют угрозу не только людям, но и всему живому на земле, самой природе. Уничтожая их, герой осуществляет свою миссию по очищению земли от чудовищ. Победы героя над чудовищами символизировали в эпосе грядущую победу человека над силами природы. Чаще всего герой истребляет их благодаря своей богатырской силе и воинскому умению.

Со временем мифические чудовища получают новую трактовку: они не только пожирают все живое на земле, но и посягают на мирную жизнь людей, совершают грабительские набеги, угоняют скот и уводят население в плен. С дальнейшим развитием эпоса образы мифических чудовищ переосмысляются и из символов стихийных сил природы, превращаются в олицетворение вполне реальных, исторических врагов, захватчиков и грабителей. Древние сюжеты о борьбе героя с чудовищами сыграли в дальнейшем немаловажную роль в развитии образной системы эпоса. «Таким образом, значение раннего эпоса о борьбе героев с чудовищами заключается не только в том, что он знаменует собой первоначальный этап в развитии эпического творчества, но и в том, что этот эпос оказал существенное влияние на последующее эпическое творчество, внес в него определенные традиционные приемы и компоненты, которые переходили из поколения в поколение, а нередко из эпоса одного народа в эпическое творчество другого народа» [4, с. 43].

Особенно большое влияние на создание образов героев эпоса оказали гиперболические описания мифических чудовищ. Вот как изображается, например, богатырь Джолой, один из основных противников Манаса.

«Безмерно большой великан Джолой —
Слабосильным людям не подступиться к нему,
Шея его толщиной с туловище быка,
Дыхание, вырывающееся из его рта,
Подобно ветру с большого хребта.

Глаза его — как походные котлы,
Грудь — словно пологий холм,
Волосы подобны сторевшей траве...» [15, с. 348]

Традиционные сказочно-гиперболические черты, присущие героям раннего эпоса («шея его толщиной с туловище быка», «грудь — словно пологий холм» и др.) переносятся затем и на образы исторических врагов, калмыцких богатырей, с которыми борется Манас на последующих этапах развития киргизского эпоса.

Тема героического сватовства

Одной из центральных тем эпического творчества эпохи разложения первобытнообщинного строя является тема создания семьи, породившая целые циклы сказаний о героическом сватовстве. Герой обычно женится на суженой, предназначенной ему свыше. Отказ героя жениться, согласно эпосу, влечет за собой гибель героя или героини. В хакасском эпосе герой может превратиться в камень, если он не женится на предназначенной ему невесте. В основе представлений о суженой лежали, очевидно, древние, соответствующие этим представлениям формы заключения брака. С. М. Абрамзон к числу наиболее древних брачных институтов, распространенных в прошлом среди киргизов, казахов и других тюркских народов, относил *бел куда* и *бешик куда*. «Весьма распространенными в прошлом формами заключения брака, — писал ученый, — были просватывание еще не родившихся детей родителями, которые вступали друг с другом в отношения *бел куда* (*бел* — поясница, *куда* — сват), а также помолвка малолетних детей, часто даже находившихся еще в колыбели, их родителями, между которыми в таких случаях, возникали отношения *бешик куда* (колыбельных сватов)» [16, с. 238].

Существование в прошлом у киргизов обычая заключения соглашения о будущем браке еще не родившихся детей между их родителями подкрепляется и эпосом «Манас». К числу устойчивых, традиционных сюжетов эпоса относится рассказ о том, как Манас и афганский правитель Акун-хан сговариваются о женитьбе своих еще не родившихся детей. Впоследствии у Манаса рождается сын Семетей, а у Акун-хана — дочь Айчюрёк. Заключив соглашение о будущем браке детей, Манас и Акун-хан вступают в родственные отношения сватов (*бел куда*).

В тувинском эпосе суженой героя становится та девушка, отцу которой отец жениха дарит символический подарок, *сой белек* (обычно булатный брусок и ножицы). Если отец девушки принимал подарок, то сговор между родителями о женитьбе детей считался состоявшимся.

Вручение подарка отцу невесты (*сой белек*) или предварительный сговор родителей о женитьбе ожидаемых детей не означали, однако, что герою не придется бороться за свою невесту с другими богатырями-соперниками, братьями или отцом невесты или с какими-нибудь мифическими противниками. Напротив, поиск невесты и борьба за нее составляют основной пафос сюжетов о героическом сватовстве.

Эпизод о женитьбе Семетея на Айчюрёк развивается следующим образом. Богатырь Толгой, по наущению своего друга Чынкожо, посылает сватов к отцу Айчюрёк, Акун-хану, угрожая силой захватить город и жениться на Айчюрёк в случае отказа. Дело в том, что в свое время Семетей женился на Чачикей, с которой был

помолвлен Толтой. Влиятельный тесть Манаса, Атемир-хан, устроил тогда свадьбу Семетей и Чачикей, пообещав уладить вопрос с родителями Толтоя. Подстрекателем Толтоя к женитьбе на Айчюрёк, выступает коварный родственник Семетей, Чынкожо.

Суженая Семетей, Айчюрёк, имеет сказочное происхождение, она из мира *кайып* (сказочный мир, где обитают духи). Айчюрёк является, пожалуй, одним из наиболее древних и наиболее ярких женских образов эпоса «Манас». О происхождении Айчюрёк сказители сообщают, что она была найдена ее отцом, Акун-ханом, высоко в горах «в местечке, где обычно проводят время пери». Бывший тогда бездетным Акун-хан с радостью удочерил девочку и «дал ей имя Айчюрёк, что означает Лунная утка, словно белая лебедь» [17, с. 125]. Имя волшебной девы подчеркивает ее божественные, тотемические истоки. Обернувшись белой лебедью, Айчюрёк облетает территории многих стран и народов, и в Таласе обнаруживает богатыря Семетей, в котором сразу же узнает своего суженого. Чтобы увлечь возлюбленного, она похищает охотничьего сокола Семетей, Акшумкара. Айчюрёк не ошиблась. Разузнав тайну похищения сокола, Семетей отправляется на его поиски и выходит к городу Акун-хана, который взяли в осаду воины богатыря Толтоя. Семетей вступает с ними в борьбу, а затем в поединке с Толтоем побеждает последнего, и тем самым отстаивает свое право на невесту, красавицу Айчюрёк, просватанную ему отцом.

Сюжеты о героическом сватовстве, в основе которых лежит рассказ о женитьбе героя на суженой, предназначенной ему свыше, идеализировали экзогамный брак, восходящий к эпохе родового строя. Такой брак заключался без уплаты выкупа за невесту и ему зачастую предшествовал предварительный сговор родителей. На последующих этапах исторического развития экзогамный брак стал вытесняться браком-покупкой невесты с уплатой калыма. Брак с калымом появился в результате развития имущественной дифференциации в родовом обществе. Он становился доступным более богатым.

Л. В. Гребнев развитие темы о героическом сватовстве связывал с эволюцией брачных институтов в период становления патриархально-родовых отношений. Ученый писал: «Очевидно, здесь отражена борьба двух форм заключения брака. В период, предшествовавший уплате калыма, право на невесту давала сама принадлежность к определенной экзогамной группе. Но впоследствии, в период становления отцовского рода и зарождения частной собственности на скот, право на невесту признается уже за тем, кто уплатил калым. Сговор и поднесение *сөй-белека* стали терять свою силу в случае, если разбогатевший представитель отцовского рода (а в дальнейшем родовой аристократии) давал большой выкуп. Поэтому борьба героя за невесту означала вместе с тем борьбу за сохранение прежней формы заключения брака посредством сговора и внесение *сөй-белека*» [7, с. 42].

Тема героического сватовства наиболее полное отражение в киргизском эпосе получила в эпизоде женитьбы Манаса на Каныкей. Богатырь Манас женится на просватанной ему отцом Каныкей и платит за нее сказочный по своим размерам калым. И хотя в эпизоде находит отражение более поздняя форма брака (брак с выкупом), в нем все же сохранился возможный первоисточник сюжета о героическом сватовстве. Во многих вариантах эпоса «Манас» встречается эпизод, где Каныкей ранит Манаса кинжалом в их первую брачную ночь. Ранение невестой жениха в брачную ночь, возможно, есть отголосок очень древнего мотива, связанного с во-

оруженной борьбой за невесту. В. М. Жирмунский, рассматривая этот эпизод, отмечал: «Мотив борьбы за невесту частично сохранился в записи Радлова и в версии Орозбакова. <...> Борьба выступает здесь в виде столкновения Манаса со своей невестой на брачном ложе: строптивая дева ранит жениха кинжалом, чем вызывает его ярость и последующее кровавое побоище. Столкновение между Манасом и его невестой является ослабленным вариантом широко распространенного сюжета укрощения богатырской девы, которая, будучи побеждена героем в единоборстве или во время брачных состязаний, становится его возлюбленной или женой, после чего она обычно теряет свою богатырскую силу. В некоторых сказаниях этого типа дева-воительница, побежденная в брачных состязаниях, оказывает своему победителю сопротивление на брачном ложе» [6, с. 103].

Типологически наиболее архаичным сюжетом о героическом сватовстве был тот, в котором герой добывал себе невесту в поединке. Этот вариант героического сватовства связан с образом богатырской девы, который получил широкое распространение в эпосе многих тюрко-монгольских народов. Герои казахского эпоса «Таласпай-Мерген», якутского олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», хакасского эпоса «Алтын Пыркын» добывают себе невесту в поединке с богатырской девой. В «Манасе» можно отметить образ девы Сайкал. По варианту С. Орозбакова, после победы Манаса над ханом Текесом был устроен *той* (праздник), на котором произошёл поединок на копьях между Манасом и богатырской девой Сайкал.

Манас, увидев на майдане Сайкал, поразился ее красоте. «Оказывается, это невеста, предназначенная мне», — подумал богатырь. Не желая наносить вред здоровью Сайкал, богатырь Манас нацелил свое копьё в ее правое плечо. Сайкал же, представлявшая сторону противников Манаса, узнав в нем главного богатыря киргизов, решила сразить его насмерть.

«Нацелив свое копьё,
У юноши Манаса-льва
Уязвимое место стала искать:
“Вот дуга золотого седла —
Здесь самая верхушка сердца его”» [10, с. 364].

«Яростно налетела Сайкал на Манаса, и от удара ее богатырь чуть было не вылетел из седла, да ухватился за гриву коня. Правую подмышку проколола ему копьём. У Манаса со спины вышел конец копья, говорят. Правой рукой схватила Сайкал Манаса за плечо. Задумала девушка Сайкал стащить его с коня. Саврасо-чалого иноходца своего хлестнула камчой по бедру. Доблестный Манас стал крениться на коне, стал он сползать с седла, выскользнули ноги из стремян. Но этому не бывать: Чубак, сын Акбалты, пустив своего коня стрелой, подскакал и между ними встал. За левое плечо поддержал он Манаса и усадил его в седло.

Если бы не сын Акбалты,
Могла бы стянуть его [с коня]» [10, с. 366].

Описывая эту сцену, сказитель восклицает: «Манаса за спину ухватив, негодная девушка вот так чуть не опозорила его». По правилам единоборства соперники должны были сражаться на копьях, а не стаскивать друг друга с коня. Поэтому

поединок был остановлен, а участники его вернулись на свои исходные позиции. Лишь со второй попытки Манасу удалось вышибить из седла воинственную деву. После этого Сайкал не показывалась на глаза Манасу-богатырю.

Образ богатырской девы, характерный для наиболее архаичных сказаний о героическом сватовстве, в «Манасе» дан не до конца последовательно. Видимо, потому что не получил своего дальнейшего развития, а сохранился как образец архаической ступени эпического творчества. О богатырской деве Сайкал в варианте С. Каралаева говорится, что она и Манас дали друг другу слово встретиться на том свете. Когда Манас умирает, Сайкал насильно приводят к умирающему, и заставляют облечься в траурные одежды. Как отмечает В. М. Жирмунский, «все это — осколки древних преданий, сохраненные эпической традицией, хотя уже не вполне понятные самим сказителям» [6, с. 80].

Происхождение образа богатырской девы В. М. Жирмунский возводил к бытовым отношениям периода матриархата, хотя и отмечал, что тип девушки-воина хорошо был известен в воинском быте тюркских кочевых племен и в период, предшествующий развитию феодальных отношений.

Е. М. Мелетинский в генезисе образа богатырской девы видел наиболее древний женский образ в фольклоре тюрко-монгольских народов — старшую сестру первого человека, племенного предка, которая передавала брату культурные навыки и искала для него невесту. В дальнейшем, в связи с победой патриархальной идеологии этот женский образ трансформировался в богатырскую деву, как это произошло и с ее братом, который из образа одинокого героя-первопредка превратился в богатыря-воина. «Таким образом, тип женщины-богатыря, — заключает ученый, — это не столько воспоминание о матриархате, сколько переосмысление образов в духе господствующей эстетики воинского богатырства, восходящих, в конечном счете, к эпической традиции родового общества» [3, с. 339].

Как видим, тема женитьбы героя нашла свое отражение в эпосе «Манас», причем представлена она в различных вариантах. Наиболее архаичный сюжет о героическом сватовстве, в котором герой добывал себе невесту в поединке, не получил в эпосе «Манас» своего окончательного оформления. В отличие от него, сюжет о женитьбе героя на суженой, предназначенной ему свыше, а также вариант героического сватовства, в котором нашел отражение брак с калымом, приобрели в киргизском эпосе детальную разработку со всеми эпическими подробностями. Из материалов эпоса видно, что киргизская семья не оставалась неизменной на протяжении веков, а претерпевала изменения, связанные с преобразованиями в общественных отношениях киргизского общества.

Тема борьбы с набегами

Начало набегов восходит к периоду разложения родового строя. Как указывалось выше, военные столкновения кочевых племен друг с другом за обладание лучшими пастбищами для растущего поголовья скота стали в этот период постоянными. Участились грабительские набеги с целью захвата военной добычи. Набеги превратились в постоянный промысел враждовавших друг с другом родов и племен, стали регулярными. Главной целью набегов был угон скота, а также добыча рабов для обслуживания стад. Рабство зарождалось внутри патриархальной семейной

общины. Быстрое увеличение стад за счет естественного прироста потребовало большего количества людей для присмотра за скотом. Для этой цели стали использовать военнопленных. В наиболее ранних сказаниях образы врагов, совершавших набеги, представлялись в облике мифических чудовищ, а с развитием эпоса, в процессе сближения его с исторической действительностью, враги стали изображаться в более реальном, человеческом облике. Это ханы-захватчики, порабитители. Они совершают грабительские набеги, захватывают скот и другое имущество, увозят людей в плен. Таким ханом-грабителем изображен богатырь Незкара в эпизоде, повествующем о детских годах богатыря Манаса. Рассмотрим этот эпизод.

«Есть у богатыря Незкары, оказывается, конь Чабдар. Это животное может с хозяином говорить, уму-разуму его учить. Послушайте-ка, о чем говорит конь:

Храбрый Незкара-великан,
Ты мой хозяин, — он сказал, —
Чтобы не погибнуть,
Заранее позаботься о себе, — сказал <...>
В Алтайских горах пасется
Множество лошадей,
Вот что я тебе скажу, — говорит, —
Тогда кинутся в погоню за тобой,
Подняв гвалт, те, кого ногами зовут.
Среди [тех, кто поднимет] гвалт,
Пока еще в силу не вошедший
Мальчик есть по имени Манас —
Об этом помни ты. <...>
Не окрепли еще мышцы его икр —
Для богатырских дел время еще не пришло,
В настоящий бой он еще не вступал,
Боевых навыков еще не перенял,
Пылью не застилало ему глаза —
По-настоящему сражаться не научился он,
Еще не кидался в клубы пыли [в бою],
Правил боя еще не познал,
Если не схватишь его теперь,
Если не сразишь его в бою,
Он оба глаза выколет тебе, —
Подумай о моих словах! <...>
Поезжай, Манаса убей, — он сказал, —
Пригони его лошадей» [5, с. 345–346].

Вняв словам своего коня, Незкара отправляется на поиски Манаса. С войском больше шести тысяч человек продвигался Незкара. Ведомые Незкарой воины сбились с пути. Они проехали аил, где жил бай Джакып, отец Манаса. Пробыв в пути два дня, вступили они на земли бая Джайсанбая. В то время Джайсанбай имел десять тысяч лошадей — это было немалое добро. Захватили они всех лошадей.

Воины хана Незкары, стремительно ворвались в аил, перебили около пятидесяти человек, изувечили многих людей, растащили все добро:

«Еще раньше забрали лошадей,
Теперь награбили и навьючили добро».

Эпос в ярких картинах изображает грабительский характер набегов и страшные последствия, к которым они приводят:

«Плакали женщины, голосили,
Плакали дети, истошно крича <...>

Крупную добычу захватив, упивались удачей они. В тот день остались они на ночлег, делали все, что взбредет им на ум.

Учинив кровавый разгул,
Забили крупный скот,
Заночевали они там...

Назавтра, сев верхом на коней, храбрецами себя возомнив,

Из тех, кто достиг пятнадцати лет,
Из тех, у кого длинная толстая черная коса,
Из самых красивых и нарядных в айле,
Из тех, чьи шапки с широкой выдровой опушкой,
Сто тридцать девушек взяли [себе].

Из острогрудых и стройных,
Из чернобровых среднего роста,
Из проворных и красивых молодых
Две сотни достались им».

Зрительную картину грабительского набега дополняет хор голосов домашних животных, который сливается с плачем женщин и детей:

«Тут и верблюды кричат,
Тут и ослы орут,
Тут и коровы глухо мычат,
Тут и овцы блеют все,
Тут и лошади ржут.

Связав многих людей, погоняя поспешно скот, по большой дороге двинулись они.

У подножия горы Ак-Кыя вместе с Джакыпом, отцом своим, в возрасте тринадцати с половиной лет, тот, кому удача сопутствует всегда, — Манас преградил путь врагу.

Увидев бая Джакыпа и его сына, Чабдара своего ударил камчой Незкара, на Манаса ринулся он. В свою очередь, Манас пустил Аккулу во весь опор. Крикнул он клич: “Бай Джакып!” — кинулся на поединок стремглав» [5, с. 360].

Обычное явление в героическом эпосе тюркских народов — наделение героя-богатыря чудесными помощниками. В тувинском эпосе, например, помощниками-

спутниками героя выступают два брата, вызванные из «верхнего мира». В «Манасе» помощниками героя выступают *чилтены*, мифические персонажи, которые могут менять свои обличья и приходят на помощь герою в трудную минуту. *Чилтены* выступают в эпосе в роли чудесных покровителей героя и оберегают его от различных случайностей.

«[Один чилтен] стал тигром, сопутствующим ему,
[Второй] — рычащим драконом стал,
Из сорока чилтенов один
Рычащим леопардом стал,
Другой стал рыкающим львом,
Нависла громадой всей Алпкаракуш
В небе [простерлась], растопырив когти свои,
Манасу сопутствует она,
Грозные [звери] все
Обступили Манаса со всех сторон» [5, с. 366].

Увидев грозную силу Манаса, перед гневом его не устояв, «Незкара-богатырь ударил Чабдара камчой. Огибая многочисленное войско свое, Незкара, удирая, вокруг войска поскакал. Лев Манас-богатырь стал преследовать его. Помчавшись на Аккуле, Манас нагнал Незкару:

Подумав: “Вот где верхний край золотого *кемера* (пояса) его,
Вот где середина лопаток у него”, — ударил гладким копьём.

Обхватив руками шею коня, богатырь Незкара, Чабдара, что как пуля летел, пустил во весь опор. Спасает жизнь Незкаре умеющий летать чудесный конь Чабдар. Манас освобождает всех захваченных Незкарой людей.

Из тех подонков, кто прежде учинял разбой,
Из тех подлых, кто, как нечестивцы, поступал,
Из тех безжалостных наглецов,
Кто на женщин и на девушек посягал,
Из жестоких нечестивцев тех
Восемьдесят шесть человек
Всего прикончил [Манас].

Войско Незкары в шесть тысяч человек Манас распустил. Сказал им: “Есть ли у вас дом и жена? Идите туда, где вам оказывают почет, о том, что видели, что испытали, расскажите своему народу”» [5, с. 370–371].

Как видим, тема борьбы с набегами нашла свое отражение в эпосе «Манас». В образе противника Манаса, богатыря Незкары, явно просматриваются черты хана-захватчика. Эпос почти натуралистично изображает хищное вторжение людей Незкары в пределы мирного поселения кочевников, и тот произвол и бесчинства, которые они творят над гражданским населением. Грабительские набеги, ставшие жестокой реальностью, не могли не найти своего отражения в народном творчестве. В этот период, очевидно, возникали героические сказания, в которых стала

поэтизировать справедливую войну против вражеских набегов. М. М. Плисецкий, рассматривая содержание былин периода разложения родового строя, писал: «Необходимость защиты общины, рода, племени от нападения вызывала появление в народном творчестве образов справедливой войны в защиту мирного труда, в целях освобождения пленников и наказания нападающего врага. В этих образах нашла свое выражение социальная мечта о жизни, огражденной от нападений жестоких врагов, зарящихся на имущество, труд и самую жизнь общины» [18, с. 15].

Главная тема эпоса «Манас» — отражение набегов иноземных захватчиков, объединение разрозненных племен, обретение завещанной отцами родины. Уже в ранний период номадизма, в эпоху частых военных столкновений кочевых племен друг с другом из-за пастбищ и других причин возникает, очевидно, одна из основных идей эпоса — идея необходимости единства и сплочения рода, племени, а затем и более широкой этнической общности — народности для борьбы с вражеским нашествием. Эта идея красной нитью проходит через весь эпос «Манас».

Заключение

Анализ наиболее ярких поэтических деталей образа главного героя киргизского эпоса «Манас», которые относятся к его древнейшим пластам, а также наиболее типовых сюжетных тем архаического эпоса, известных и по эпическим сказаниям других тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Южной Сибири, позволяет нам прийти к следующим выводам.

Важнейшим событием, послужившим отправной точкой для сложения героического эпоса «Манас», стало возникновение номадизма на обширных просторах евразийских степей в начале I тыс. до н. э. В эту эпоху произошли коренные изменения в жизни древних предков киргизов.

Массовый переход степных пастушеских племен к кочевому скотоводству привел к бурному росту их экономики. Круглогодичное разведение стад на обильных пастбищах евразийских степей позволило очень быстро увеличить поголовье скота до небывалых размеров. Постепенно скот стал переходить в частное владение отдельных патриархальных семей и неравномерно обогащать их, что с неизбежностью вело к началу процесса имущественной дифференциации внутри первобытной общины и, в конечном счете, разложению родового строя. Патриархальная семейная община превратилась в самостоятельную экономическую единицу и господствующую форму семейных отношений в обществе кочевников периода разложения родового строя.

Постоянным явлением в этот период становится война. Бесконечные военные столкновения кочевых племен друг с другом из-за пастбищ, нередко сопровождавшиеся убийствами и грабежами, делали необходимой военную организацию кочевников. Род и племя стали управляться на началах военно-демократического строя. В этот период значительно возросла роль отдельной личности. Наиболее сильных и храбрых воинов, всегда готовых встать на защиту своих сородичей от врага, стали называть *батырами*, о них слагалась легендарная слава. Высоко стал почитаться культ воина. Выделение личности из племенного коллектива и возникновение воинской героики, на фоне начавшегося процесса разложения родового строя, вывели к жизни эстетику богатырства в героическом эпосе.

Главным героем эпоса тюрко-монгольских народов становится конный воин-богатырь, совершающий подвиги во имя своего рода и племени. На начальном этапе развития эпоса образы героя и его боевого коня сказочно гиперболизировались. Внешнему облику героя придавались черты сказочного исполина, у которого «нос подобен целому холму, а переносица — горному хребту», а земля выдерживает его мощь только «благодаря своей толщине». Грудь богатырского коня Манаса, Аккулы, сказители сравнивают с гранитной скалой, а расстояние между его задними ногами — с ущельем Чаткал. Такая портретная характеристика образа героя и его коня соответствовала сказочно-мифологическому фону раннего эпоса.

Деятельность героя носила еще «культурно-героический» характер. Его главным противником выступали мифологические чудовища, в которых воплощались стихийные силы природы. Постепенно, с возникновением богатырской эстетики, сказочно-мифологические черты в облике главного героя эпоса стали вытесняться чертами богатыря-воина. Переосмыслились и образы мифических чудовищ, которые из олицетворения стихийных сил природы превращались в символы исторических врагов. Мифические чудовища посягают на мирную жизнь людей, совершают грабительские набеги на стойбища кочевников и уводят людей в плен. Древние сюжеты о борьбе героя с чудовищами сыграли большую роль в становлении новых сюжетных тем, а также в развитии образной системы эпоса.

Коренные изменения в хозяйственном и общественном укладе древних предков киргизов не могли не отразиться на их семейно-брачных отношениях. Тема создания семьи получает в эпосе «Манас» яркое отражение. Истоки темы женитьбы героя восходят к эпохе возникновения скотоводства, которая, как известно, знаменует собой возникновение патрилокального брака и патриархальной семьи. Типологически наиболее архаичным сюжетом о героическом сватовстве был тот, в котором герой добывал себе невесту в вооруженной борьбе, в поединке с богатырской девой. Этот сюжет имеет широкое распространение в эпосе саяно-алтайских народов, и, по мнению исследователей, именно в этом географическом ареале данный цикл получил свое классическое развитие. В эпосе «Манас» сохранился рассказ о поединке героя с богатырской девой Сайкал. Однако, тема женитьбы Манаса на Сайкал в эпосе не получила окончательного оформления. Оба они дали слово встретиться друг с другом на том свете. Эпическая традиция сохранила осколки древних преданий, которые оказались уже не вполне понятными самим сказителям. Образ богатырской девы Сайкал остался в эпосе «Манас» в качестве образца ранней ступени развития эпического творчества.

Другой сюжет о женитьбе героя на суженой, предназначенной ему свыше, получил в эпосе «Манас» яркое и полное освещение. Этот сюжет воскрешал древнейшую форму брака, получившую широкое распространение среди киргизов, тувинцев, казахов и других тюркоязычных народов. Такой брак заключался по обоюдному соглашению родителей о женитьбе своих еще не родившихся или еще находящихся в колыбели детей. Заключая соглашение о будущем браке детей, их родители вступали в родственные отношения сватов *бел куда* или *бешик куда*. Сюжет о женитьбе героя на суженой нашел свое отражение во второй части эпоса «Манас», где повествуется о женитьбе сына Манаса, Семетея, на красавице Айчурёк.

Начавшийся процесс разложения родового строя, резкое имущественное неравенство членов общины обусловили новую форму брака — брак с выкупом (ка-

лымом). Такая форма брака находит свое яркое отражение в эпизоде женитьбы Манаса на Каныкей.

На завершающем этапе эпохи родового строя одной из главных тем эпического творчества становится борьба героя против грабительских набегов. По сути, здесь мы видим трансформацию прежнего сюжета о борьбе героя с чудовищами. Образы чудовищ отодвигаются на задний план и уступают место более реальному изображению исторической действительности. Эпический противник героя конкретизируется в лице реально-исторических врагов: ханов-захватчиков, иноземцев, стремящихся покорить народ героя, разорить его и увести в плен. В этих сюжетах раскрывается общественный характер героической деятельности богатыря. Он выступает здесь как подлинный защитник нуждающихся в его помощи людей. Именно такого рода подвиги богатыря-воина и воспевает героический эпос.

Древнейшие образы и сюжеты эпоса «Манас» имеют много общего с эпическими сказаниями тюркских народов Южной Сибири и Центральной Азии. Ранний пласт эпоса «Манас» формировался, очевидно, в тот период, когда киргизы расселялись по берегам Енисея и имели тесные этнические и культурные связи с народами, населявшими Саяно-Алтайское нагорье. О типологической близости эпоса тюркских народов Южной Сибири и Центральной Азии, в том числе киргизов, тувинцев, якутов, алтайцев и других народов этого региона, говорилось в трудах многих ученых. В частности, Р.З. Кыдырбаева отмечала: «Южная Сибирь, Алтай, Северная Монголия — арена непосредственных контактов различных генеалогических преданий, легенд раннего эпоса тюрко-монгольских народов. В этом ареале вызревали, взаимообогащались и заимствовались многие мотивы и сюжеты тюрко-монгольского древнего эпоса. Потому многие древние поверья, встречающиеся в эпосе «Манас», имеют генетические связи с поверьями этого ареала» [19, с. 25].

Типологическая общность эпоса «Манас» с эпическим творчеством тюркских народов Южной Сибири и Центральной Азии проявляется в создании образов героев, использовании типологически близких средств художественной выразительности, развитии сюжетных схем, наличии традиционных мотивов, что говорит о том, что ранний пласт эпоса «Манас» формировался, очевидно, в енисейский период истории киргизов в одной родственной общетюркской эпической среде и традиции.

Литература

1. Киселёв С. В. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан: Хакаское обл. гос. изд-во, 1951. 92 с.
2. Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. 92 с.
3. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. 2-е изд., испр. М.: Восточная литература, 2004. 462 с.
4. Суразаков С. С. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1985. 255 с.
5. Манас. Киргизский героический эпос. Кн. 1. М.: Наука, 1984. 543 с.
6. Жирмунский В. М. Введение в изучение эпоса «Манас» // Жирмунский В. М. Избранные труды. Л.: Наука, 1974. С. 23–112.
7. Гребнев Л. В. Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа). М.: Восточная литература, 1960. 146 с.
8. Эргис Г. У. Богатырский эпос якутов. Вып. 1: Нюргун Боотур Стремительный / текст К. Г. Оросина; ред. текста, пер. и коммент. Г. У. Эргиса. Якутск: Госиздат; ЯАССР, 1947. 410 с.

9. Манас. Киргизский героический эпос. Кн. 4. М.: Наследие, 1995. 768 с.
10. Манас. Киргизский героический эпос. Кн. 2. М.: Наука, 1988. 687 с.
11. *Боннар А.* Греческая цивилизация. Т. 1. М.: Искусство, 1992. 268 с.
12. *Радлов В. В.* Предисловие // Энциклопедический феномен эпоса «Манас». Бишкек: Мурас, 1995. 471 с.
13. Манас. Киргизский героический эпос (прозаический пересказ сюжета). Бишкек: АО Уч-кун, 1999. 431 с.
14. *Липец П. С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 266 с.
15. Манас. Киргизский героический эпос. Кн. 3. М.: Наука, 1990. 510 с.
16. *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Илим, 1990. 480 с.
17. *Бекмухамедова Н. Х.* Женские образы в эпосе «Манас» // Манасоведение. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2011. С. 116–139.
18. *Плисецкий М. М.* Историзм русских былин. М.: Высшая школа, 1962. 240 с.
19. *Кыдырбаева Р. З.* Генезис эпоса «Манас». Фрунзе: Илим, 1980. 279 с.

Статья поступила в редакцию 15 мая 2021 г.;
рекомендована к печати 13 сентября 2021 г.

Контактная информация:

Бакиров Асылбек Апасович — канд. филол. наук; asbakirov@gmail.com

Ancient Images and Plots of the Epic of Manas

A. A. Bakirov

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin,
44, Kievskaya ul., Bishkek, 720000, Republic of Kyrgyzstan

For citation: Bakirov A. A. Ancient Images and Plots of the Epic of Manas. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2021, vol. 13, issue 4, pp. 498–518.
<https://doi.org/10.21638/spbu13.2021.403> (In Russian)

The problem of the emergence and development of the Kyrgyz heroic epic of Manas has attracted the attention of scholars since the very beginning of the study of this unique memorial. The first researchers in the 19th century, Kazakh scientist Ch. Ch. Valikhanov and academician V. V. Radlov, pointed to the antiquity of the Kyrgyz epic and expressed their thoughts about its composition and existence. The question of the composition and development of the epic of Manas on the basis of research on its plot, images and ideas was explained by scientists of the 20th century, such as V. M. Zhirmunsky, P. N. Berkov, S. M. Abramzon, R. Z. Kydyrbaeva, etc. However, the question remains relevant today. There is still no consensus among scholars as to the time of the epic's origin and its main stages of development. The author of this article aims to continue the study of the genesis of the epic of Manas and attempts to establish the historical conditions that gave rise to the heroic epos as a new type of art and determined its further development. The author considers and analyzes the most ancient plots and characters of the epic of Manas, the formation and development of which largely predetermined the nature of epic creativity in subsequent eras. The subject of analysis is mainly the image of the protagonist and the most important themes of the archaic epic: the hero's struggle with monsters, heroic matchmaking, and the fight against raids. All material, when possible, is considered in a comparative-historical perspective, in comparison with the epic work of Turkic peoples of Southern Siberia and Central Asia.

Keywords: nomadism, archaic epic, epic hero, image of a monster, clan system.

References

1. Kiselev S. V. *Brief Sketch of the Ancient History of the Khakassians*. Abakan, Khakass Regional State Publ., 1951. 92 p. (In Russian)
2. Griaznov M. P. *The First Pazyryk Mound*. Leningrad, State Hermitage Publ., 1950. 92 p. (In Russian)
3. Miletinsky E. M. *Origin of the heroic epic*. 2nd ed., rev. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2004. 462 p. (In Russian)
4. Surazakov S. S. *Altai Heroic Epic*. Moscow, Nauka Publ., 1985. 255 p. (In Russian)
5. *Manas*. Kyrgyz Heroic Epic. B. 1. Moscow, Nauka Publ., 1984. 543 p. (In Russian)
6. Zhirmunsky V. M. Introduction to *Manas Studies*. *Selected Works*. Leningrad, Nauka Publ., 1974. P. 23–112. (In Russian)
7. Grebnev L. V. *Tuvan Heroic Epic (experience of historical and ethnographic analysis)*. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 1960. 146 p. (In Russian)
8. Ergis G. U. *Heroic epic of the yakuts*. Vol. 1: Nurgun Bootur Impetuos. Text by K. G. Orosin. Ed., transl. and comm. by G. U. Ergis. Yakutsk, Gosizdat of YASSR Publ., 1947. 410 p. (In Russian)
9. *Manas*. Kyrgyz Heroic Epic. B. 4. Moscow, Nasledie Publ., 1995. 768 p. (In Russian)
10. *Manas*. Kyrgyz Heroic Epic. B. 2. Moscow, Nauka Publ., 1988. 687 p. (In Russian)
11. Bonnard A. *Greek Civilization*. Vol. 1. Moscow, Iskusstvo Publ., 1992. 268 p. (In Russian)
12. Radlov V. V. Preamble. In *Encyclopedic Phenomenon of the Epic of Manas*. Bishkek, Muras Publ., 1995. 471 p. (In Russian)
13. *Manas*. Kyrgyz Heroic Epic (prosaic retelling of the plot). Bishkek, JSC Uchkun, 1999. 431 p. (In Russian)
14. Lipets R. S. *Images of Batyr (hero) and his horse in the Turkic-Mongolian epic*. Moscow, Nauka Publ., 1984. 266 p. (In Russian)
15. *Manas*. Kyrgyz Heroic Epic. B. 3. Moscow, Nauka Publ., 1990. 510 p. (In Russian)
16. Abramzon S. M. *Kyrgyz People and Their Ethnogenetic, Historical and Cultural Ties*. Frunze, Ilim Publ., 1990. 480 p. (In Russian)
17. Bekmukhamedova N. Kh. Female Images in the Epic of Manas. *Manas Studies*. Bishkek, Kyrgyz-Russian Slavic University Press, 2011, pp. 116–139. (In Russian)
18. Plisetsky M. M. *Historicism of Russian epics*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1962. 240 p. (In Russian)
19. Kydyrbaeva R. Z. *Genesis of the Epic of Manas*. Frunze, Ilim Publ., 1980. 279 p. (In Russian)

Received: May 15, 2021

Accepted: September 13, 2021

Author's information:

Asylbek A. Bakirov — PhD in Philology; asbakirov@gmail.com